

- ²² Збенович В. Г. Періодизація . . . , с. 3—24.
- ²³ Там же, с. 5.
- ²⁴ Там же, с. 15.
- ²⁵ Пассек Т. С. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья.— МИА, 1961, № 84.
- ²⁶ Збенович В. Г. Періодизація . . . , с. 15.
- ²⁷ Зиньковский К. В., Зиньковская Н. Б. К вопросу о стратиграфии . . . , с. 27—41.
- ²⁸ Vulpe R. Izvaare.— Bucuresti, 1957, fig. 52; 58, 4.
- ²⁹ Збенович В. Г. Періодизація . . . , с. 12, 16.
- ³⁰ Зиньковская Н. Б. Антропоморфная пластика . . . , с. 161—170.
- ³¹ Збенович В. Г. Періодизація . . . , с. 4.
- ³² Збенович В. Г. Раннетрипольское поселение . . . , рис. 75, 1; 76, 6.
- ³³ Маркевич В. И. Указ. соч., рис. 5, 19.
- ³⁴ Зиньковская Н. Б. Антропоморфная пластика . . . , с. 166.
- ³⁵ Зиньковский К. В., Зиньковская Н. Б. К вопросу о стратиграфии . . . , рис. 3, 24.
- ³⁶ Vlad D., Dumitrescu H., Petrescu-Dâmbovita M., Gostar N. Habașești.— București, 1954, pl. 71, 5.

К. В. Зиньковский

К ПРОЦЕДУРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ТРИПОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН

В истории развития экономики Юго-Восточной Европы на территории нашей страны и Румынии (IV—III тысячелетия до н. э.) важную роль сыграл период, получивший название Триполье. Несмотря на то что исторический этап, отмеченный археологической культурой трипольских племен, изучается уже более 80 лет, по-прежнему актуальными остаются проблемы реконструкции экономического уклада, социально-семейных отношений, идеологии, культурных связей и хронологии этого периода.

Исходные данные любого исследования в области археологии представлены следами материальной жизни и материалами, дающими возможность судить об антропологическом типе древнего населения. Если изучение каждой категории находок в отдельности дает, как правило, положительное знание, в рамках которого могли сосуществовать гипотезы и взгляды, расходящиеся в частных вопросах, например о принципе классификации посуды или пластики, то в интерпретации археологических комплексов памятников классического Триполья были высказаны диаметрально противоположные точки зрения.

Так, В. В. Хвойка, считавший остатки строений типа «площадок» погребальными памятниками, полагал что народ, оставивший их, обитал в землянках. Это предположение, несмотря на то, что противники взглядов В. В. Хвойки определили «площадки» как остатки наземных жилищ, с одной стороны, субъективно продолжало наталкивать на мысль о примитивной экономической и социальной организации трипольских племен, а с другой — делать весьма существенные выводы о развитии общества, в частности о матриархате в Триполье¹.

Следует иметь в виду, что назначение памятника в целом или его части: постройка, инвентарь, явления, оформившие его облик,— могут быть познаны лишь во взаимосвязи, поскольку дом мог являться не только местом обитания, но и местом упокоения, не различаясь по внешнему виду и конструкции, а сопровождающие памятник посуда, орудия труда и оружие по облику, как правило, одинаковы². Причем в случае использования дома как погребального сооружения, что известно в неолите и энеолите, а также по этнографическим данным, костные остатки погребения не всегда будут хорошо представлены³. Кроме того, принятые нами понятия, в рамках которых мы помещаем и посредством которых интерпретируем явления человеческой жизни в прошлом, например жилой, погребальный или храмовый комплекс, являются всего лишь вероятной конструкцией восприятия таковых древними людьми. Субъективный момент в понимании и воспроизведении мотивов сознательной деятельности наших предков неизбежен, многое в этой области кажется странным и непонятным. Тем не менее оно, скорее всего, имело прямой смысл и отношение к оформлению идеологической надстроечной системы управления обществом.

Сам тип интересующих нас памятников однообразен в своих основных чертах и вызывает у исследователей, знакомых с ним в поле, совершенно определенную ассоциацию при употреблении термина «площадка» с необычно сильно обожженными остатками глинобитных построек, сопровождающимися различными находками. До последнего времени дискуссия между различными лагерями ученых, определившимися в соответствии с принятым объяснением назначения этих строений, то затухала, то возобновлялась вновь на почве построения с помощью одних и тех же аргументов прямо противоположных гипотез. Суть разногласий в том, считать ли площадки погребальными памятниками или остатками жилых домов и в соответствии с этим определять археологический комплекс (совокупность «площадок» с сопровождающим их инвентарем) как погребальный или как жилой. Автор первой версии, известный археолог В. В. Хвойка, считая, что действие огня на строительные остатки связано с обрядами, в процессе которых сжигались постройки с хранившимися в них останками умерших, определял их как памятники погребального культа, полагая при этом, что строения могли быть двухэтажными⁴. В подтверждение своей гипотезы В. В. Хвойка и его последователи ссылались на находки обожженных человеческих костей на «площадках».

Открытие В. В. Хвойкой новой археологической культуры, представленной необычным видом памятников, вызвало большой интерес, проявившийся, что особенно важно, в рекомендации разработки методов исследования последних⁵. Выдающийся русский археолог А. А. Спицын, а впоследствии Т. С. Пассек подчеркивали необычную в сравнении с другими археологическими объектами сложность раскопок и изучения трипольских «площадок»⁶.

Истинность этих заключений подтверждается практикой⁷. Объективная сложность раскопок и интерпретации «площадок», очевидно, явилась тем субъективным моментом, который заставил усомниться во мнении В. В. Хвойка. Видимо, интуиция подсказывала ученым, что оно не может являться единственно правильным объяснением сущности трипольских памятников. Было обращено внимание на то, что находки человеческих костей на «площадках» довольно редки, и высказано предположение, что «площадки» являются остатками жилых домов.

Но как быть со следами необычно сильного огня, который не объясним действием обычного пожара, совершенно непонятным в огромных масштабах и единообразии, зафиксированных на памятниках трипольской культуры? Было выдвинуто предположение, что с помощью огня создавались глиняно-деревянные настилы полов домов, остатки которых представлены в виде «площадок». Впервые эта гипотеза была предложена Н. Ф. Беляшевским, а затем утверждена в трипольеведении Е. Ю. Кричевским и Т. С. Пасек⁸. Эти исследователи подвергли беспощадной критике методику раскопок сторонников ритуального объяснения «площадок», что приобрело вид доказательства их правоты. Однако взамен были предложены методические приемы раскопок, не имевшие прямого отношения к непосредственной интерпретации объектов, а тем более установлению ее достоверности в русле той или иной гипотезы.

Поэтому некоторые археологи, в том числе и автор настоящей работы, не удовлетворившись объяснением сущности «площадок» В. В. Хвойкой и другими исследователями, пришли к выводу, что последние являются остатками построек с вертикальным развитием. Автором было экспериментально доказано предположение, что обожженные строительные остатки трипольских памятников происходят от перекрытий домов, которые сжигались их обитателями преднамеренно при смене места поселения в соответствии с образом жизни, обусловленным экстенсивным способом ведения сельского хозяйства⁹. Тем не менее оставалось непонятным, почему на протяжении истории исследования проблемы «площадок» могли возникать и существовать прямо противоположные и взаимоисключающие гипотезы.

Анализируя логическую схему рассуждений сторонников интерпретации «площадок» как культовых объектов и приверженцев их объяснения только как остатков жилищ, можно прийти к следующему заключению. Исходные данные в археологическом материале, используемые в обоих случаях, одинаковы и находятся в координационной связи. Строительные остатки, сопровождающий их инвентарь (посуда, орудия труда, оружие, украшения и бытовые отбросы), следы действия огня связаны между собой в восприятии субъекта наблюдения линейной связью, но какова она была в моменты «прижизненного» существования объекта изучения, в данном случае «площадки», как она вплеталась в явления древней жизни и как она отражает их — вот главная задача археологического исследования. Построения сторонников «куль-

товой» и «жилищной» интерпретации «площадок», учитывая необходимый ретроспективный анализ явлений и находок, можно выразить такими схемами соответственно:

I. Гипотеза В. В. Хвойки

«Строительство» + Строительство + дома мертвых	«Инвентарь» + Помещение в + постройке погре- бального инвен- таря и человече- ских останков	«Следы действия = огня» Сожжение дома мертвых в ритуальных целях	«Площадка» = Вывод — «площадка» Культовый па- мятник
--	--	--	--

I. Гипотеза Н. Ф. Беляшевского

«Строительство» + Строительство + дома	«Действие огня» + Специальный + обжиг пола	«Инвентарь» = Помещение = в постройку бы- тового инвентаря	«Площадка» Жилой дом
--	--	---	-------------------------

Таким образом, наглядно отражается факт парадоксального явления, состоящего в том, что сторонники различных точек зрения воспринимали объект изучения с его составляющими в первоизданном виде как остатки строительного сооружения, получившего условное наименование «площадка», но давали прямо противоположную интерпретацию их сущности, объясняя их происхождение в рамках совершенно различных областей человеческой деятельности, связанной в одном случае с исполнением обряда погребального культа, а в другом — с обеспечением потребностей живых членов общества (домостроительство). Однако если в верхних частях схем представлено восприятие объекта в его частях (левая часть уравнения) и в сумме представление о нем в целом (правая часть) по объективно существующим археологическим остаткам, которое не изменится, как бы ни менялись местами составляющие, в нижней части схемы ретроспективное изучение составляющих допускает лишь определенную их комбинацию в соответствии с предполагаемой последовательностью явлений. В первом случае сначала происходило строительство постройки, затем помещение в нее погребального инвентаря и останков умершего, после чего погребальное сооружение сжигалось, во втором — сооружался пол дома из глины, его обжигали, инвентарь оказывался естественным атрибутом дома, помещенным, конечно же, после окончания его строительства. Отсюда следует заключение, что акты деятельности людей предполагались одновременными (строительство, употребление огня, помещение в постройку инвентаря) и вместе с разрушительным действием стихии привели их следы («площадки») к такому состоянию, которое позволяет выдвигать взаимоисключающие гипотезы интерпретации объектов.

Возможности комбинаций в левой части уравнения допускают еще один вариант при обязательном выделении связи его двух членов на интерпретационном уровне:

Инвентарь	+ Действие огня, отразившееся на инвентаре, не несущем следов искомого порядка (сильный обжиг до ошлакованности)	+ Строительство дома, данное в остатках, не несущих следов искомого порядка (сильный обжиг до ошлакованности)	= Результатам пожара глинобитного дома, но не дающего остатки типа «площадок»
-----------	--	---	---

Невозможность такой комбинации составляющих проверена по этнографическим, археологическим и экспериментальным данным, свидетельствующим, что объекты типа «площадок» могут возникнуть только в результате сожжения дома, тем более если он глинобитный, лишь с помощью большого количества топлива, намеренно помещенного в постройку. Вместе с тем в этой искусственно созданной ложной гипотезе четче проявилась последовательность материальных явлений, зафиксированных в остатках (строительство — постройка, находки — домашний инвентарь, действие огня — пожар в доме) и событий в жизни человеческого общества, о существовании которых можно предполагать.

В соответствии с принятой нами гипотезой мы приходим к выводу, что жилой комплекс поселений трипольской культуры в определенный момент времени с его постройками и находившимся в них бытовым инвентарем превращался в культовый памятник в результате ритуальных действий, о которых мы знаем лишь, что они сопровождалась сожжением поселений при переходе на новое место жительства.

Раскрывая систему связи между объектами по результатам их ретроспективного анализа, которые можно было проверить экспериментально, и теми, которые являются лишь логическими конструкциями некоторых сфер сознания наших предков, схему отстаиваемой гипотезы можно представить по составляющим ее частям в следующем виде.

1. «Строительство» + «Инвентарь» + «Действие огня» = «Площадка», на начальном этапе исследования слагаемые принимаются как равноправные части целого объекта — «площадки».

Выяснено и доказано, что: Строительство + Инвентарь = Дом (постройки) (бытовой) (жилище).

Установлена длительность существования дома во времени (не более 50—70 лет), прежде чем он был оставлен и одновременно с другими постройками искусственно сожжен. Отсюда следует, что Дом + Действие огня = «Площадка» (отрезок времени).

2. В соответствии с гипотезой побудительные мотивы действий, которые приводили к образованию «площадок» на местах поселений, следует искать в области культа. Значит, Дом + Действие огня = Культовое действие — объект культа. Следовательно, и «площадка» может быть рассмотрена как культовый объект. Таким образом, взаимосвязь понятий Дом и Огонь входит в понятие культовой церемонии, культового памятника в иррациональной области мышления.

Изучение логики исследования определило способы построения рабочих гипотез, их недостатки, которые заключались в установлении только координационной связи объектов и явлений, линейной, при которой они воспринимаются одноактными без учета возможностей их последовательности и взаимоподчиненности. В результате простой экстраполяции известных понятий («дом», «погребение» и пр.) на неизвестное явление, представленное памятниками оригинального типа, производилось помещение последних в рамки известных объектов и явлений, в результате чего связи между ними оказались нереальными¹⁰. Установление субординационной связи оказывается совершенно необходимым при изучении столь сложного явления, как трипольское домостроительство. Анализ логики построения и проверки гипотез позволяет выявить наиболее вероятный характер, последовательность и значение событий: строительство дома, время его существования, а затем превращение в исключительно культовый памятник, представленный нам в оригинальных археологических остатках. Схема построения предлагаемой гипотезы показывает, что она на данном этапе исследования проблемы трипольского домостроительства является наиболее объективной, поскольку предыдущие гипотезы входят в нее как частные, исключавшие существенные связи между явлениями и объектами¹¹.

Реальные факты археологической практики, пусть не совсем верно организованные с позиций логики построения гипотезы, на интуитивном уровне исследования привели к оформлению двух противоположных из-за этого предположений. С одной стороны — исключительно культовое объяснение «площадок», с другой — излишне рационалистическое. Однако каким бы субъективным ни был подход, оба мнения с учетом строгой организации исследования могут быть подтверждением его результативности, если признать верным предположение о двойной сущности трипольских памятников, где гиперболизируются в сознании древних понятия дома как места обитания живых в течение его функционирования для этой цели — с одной стороны, и как места упокоения всех атрибутов дома путем определенных ритуальных действий — с другой.

Остается надеяться, что предложенный опыт выяснения логики построения гипотезы принесет пользу для развития теории и практики археологической науки.

¹ Кричевський Е. Ю. Розкопки на Коломиїщині і проблема трипільських площадок.— В кн.: Трипільська культура. К., 1940, т. 1, с. 479—589.

² Рыбаков Б. А. Нестор о славянских обычаях.— МИА, 1970, № 176, с. 40—44.

³ Зінковський К. В. До проблеми трипільського домобудування.— Археологія, 1975, 15, с. 13—22; Индейцы Америки.— ТИЭ, 1959, 25, с. 1—253.

⁴ Хвойка В. В. Раскопки в 1901 г. в области трипольской культуры.— ЗРАО, 1904, 5, вып. 2, с. 1—25.

⁵ Беляшевский Н. Ф. Раскопки на месте неолитического поселения с керамикой домикенского типа у с. Колодистого Звенигородского уезда Киевской губ.— АЛЮР, 1900, 1, с. 148—155;

- Волков Ф. По поводу наших неолитических находок с керамикой доми-
кенского типа.— Там же, 2, с. 131—141.
- ⁶ Спицын А. А. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого Киевской
губернии.— ИАК, 1904, вып. 12, с. 119—126; Пассек Т. С. Периодизация три-
польских поселений.— МИА, 1949, № 10, с. 1—248.
- ⁷ Зиньковский К. В. До проблемы трипольского домобудування.— Археологія,
1975, 15, с. 13—22.
- ⁸ Беляшевский Н. Ф. Указ. соч.; Кричевський Е. Ю. Указ. соч.; Пассек Т. С.
Указ. соч.
- ⁹ Зиньковский К. В. О методах домостроительства племен трипольской куль-
туры.— МАСП, 1976, № 8, с. 36—49.
- ¹⁰ Виноградов В. Г. Научное предвидение.— М., 1973, с. 1—188.
- ¹¹ Режабек Е. Я. Некоторые вопросы теории гипотезы.— Ростов-н/Д., 1968.

В. Г. Петренко

АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ КУРГАНОВ УСАТОВО

Еще совсем недавно не всякий исследователь решился бы на-
звать степные, в частности усатовские, курганы архитектурными
памятниками. В самом деле, современный однообразный облик
оплывших могильных холмов никак не укладывается в наши при-
вычные представления о совершенстве архитектурных форм. Од-
нако два десятилетия назад М. П. Грязнов убедительно показал,
что нынешний вид могильных насыпей — результат многовекового
разрушения силами природы сложнейших архитектурных сооруже-
ний, какими когда-то были курганы¹. Идеи М. П. Грязнова, приня-
тые многими археологами, способствовали поиску путей ре-
конструкции древних могильных холмов. По единодушному мне-
нию специалистов, восстановить первоначальный вид кургана воз-
можно только после раскопок, на основании детального изучения
ущелевших конструктивных элементов памятника.

Специфика трудностей, с которыми сталкиваются исследова-
тели в процессе реконструкции архитектурного облика курганов,
как правило, определяется характером исходного строительного
материала памятника. Особенно нелегко порой бывает понять, как
выглядел в древности курган, насыпанный из грунта. Относитель-
но проще восстановить первоначальный вид кургана, когда помимо
грунта применялся камень. В этом случае успех и достоверность
реконструкции будут зависеть от сохранности каменных сооруже-
ний, способа конструктивной их взаимосвязи с грунтовыми частя-
ми кургана и роли каменных конструкций, главенствующей или
второстепенной, в архитектурном ансамбле памятника. Как из-
вестно, спустя определенное время после возведения многие древ-
ние курганы неоднократно меняли вид в результате искусственных
изменений (досыпок, разборки первоначальных сооружений из
камня и создания новых), связанных с совершением более поздних
инокультурных захоронений. Наличие в исследованном кургане
разнокультурных и разновременных конструктивных компонентов
может значительно усложнить процедуру восстановления памят-
ника как целостного архитектурного объекта. Поэтому для целей